

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ: ДЖ. СТ. МИЛЛЬ И «НОВЫЙ» СОЛИДАРНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

Введение

Либерализм зачастую представляют в виде доктрины «собственного индивидуализма», т. е. как защиту договора и свободы рынка в интересах индивидов, озабоченных исключительно удовлетворением собственных потребностей¹. Однако такое представление является неполным, ибо центральная проблема либерализма, как высвечивает нам ее история, заключалась в утверждении суверенитета индивида, представляющего единственным судьей собственных интересов, и в выявлении оснований взаимодействия между индивидами вне опоры на абсолютный авторитет Церкви, государства или, как говорит Милль, вне понуждающего давления со стороны «общества». Вследствие того, что либерализм имеет своим источником религиозные войны (что подчас недооценивается исследователями), его главной заботой было восстановление социального и политического тела общества после разделения последнего на независимые атомы, на автономные частицы, каждая из которых обладала особыми интересами. Иными словами, либерализм задавался вопросом, как избежать «войны всех против всех»² или, по словам Бенжамена Констан, «ужасающей системы Гоббса»³, как возродить «общественный дух» и смысл общего интереса?

На этот вопрос классический либерализм давал три хорошо известных варианта ответа⁴.

Первый из них принадлежал Локку. Человеческие страсти поддаются регуляции при опоре на естественный и божественный закон и на «разум», позволяют индивидам прийти к саморегуляции и образовать стабильное и процветающее сообщество.

Второй вариант ответа, принадлежавший Просвещению XVIII в., заключался в утверждении, что страсти способны компенсировать друг друга, выявляя «естественное тождество интересов» (Эли Халеви). «Умеренная торговля», по мнению Монтескье и шотландских просветителей, заменит собой войну и будет способствовать цивилизации и гармонизации эгоистических индивидов⁵.

Третье решение – это решение Бентама. Описываемое Гоббсом стремление к власти и обладанию есть лишь маска, скрывающая основной мотив поведения всякого человеческого существа: принцип наибольшего удоволь-

¹ См.: Macpherson C.B. La théorie politique de l'individualisme possessif. De Hobbes à Locke. P., 1971.

² Гоббс Т. Левиафан. Гл. XIII.

³ Constant B. Ecrits politics. P. 316.

⁴ См.: Audard C. Qu'est-ce que le libéralisme? P., 2009. Ch. 1, 2.

⁵ Constant B. Ecrits politiques. P. 597.

ствия (*happiness principle*)⁶. Взаимодействие между «собственническими» индивидами ни невозможно, ни спонтанно; оно есть результат хитроумных уловок, которые, как утверждает Бентам, с помощью этого принципа позволяют максимализировать удовольствие и минимизировать трудности, вводя в действие «санкции» религии, закона и общественного мнения, дабы создать связку между долгом и интересом (*interest and duty junction principle*).

Именно это решение является главной мишенью Милля не только в его эссе о Бентаме и Кольридже (1838 и 1840), но также и в «Основаниях политической экономии» (1849, кн. IV, гл. V), в «Главах о социализме» (1879), в эссе «О свободе» (1859), в подробных разъяснениях в «Автобиографии» (1873, гл. 5).

Как показывает разрабатываемая Миллем концепция индивидуальности, «общественный дух» не антитеза индивидуализму, ибо они неразрывно связаны. Благодаря Миллю идеал солидарности, а не просто мирного сотрудничества, прочно войдет в теорию того, что отныне назовут «новым» либерализмом, либерализмом солидарным и социальным, набирающим силу в период между 1870 и 1920 гг. и являющимся основанием современных концепций государства всеобщего благосостояния.

Не следует забывать, что программа, разрабатываемая Миллем с 1830 г., была, как он пишет в своей «Автобиографии», программой «эры, которая соединит... с одной стороны беспрепятственную свободу мысли и беспредельную свободу индивидуальной деятельности (во всех случаях, когда из этого следует нарушения прав ближнего), с другой стороны правильные убеждения о добре и зле, о полезном и вредном»⁷.

Анализу этой программы я бы и хотела посвятить данную статью.

1. От собственнического индивидуализма к идеалу индивидуальности

Миллевский принцип называли *Harm Principle*, чтобы подчеркнуть его утилитаристскую направленность, поскольку, в соответствии с конвенционистской моралью, единственным ограничением индивидуальной свободы он полагает нанесение вреда другому, риск увеличения страданий. Он утверждает, что «люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения»⁸.

Однако такое определение свободного действия подчеркивает лишь его негативные аспекты. Что же касается позитивной стороны, то она, может быть, еще радикальнее. «Власть общества над индивидуумом не должна простирается далее того, насколько действия индивидуума касаются других людей; в тех же своих действиях, которые касаются только его самого, индивидуум должен быть абсолютно независим над самим собою, – над своим телом и духом он неограниченный господин»⁹. Свобода мысли еще более

⁶ «Природа поставила человечество под владычество двух принципов – страдания и удовольствия. Им одним принадлежит право указывать нам, что мы должны делать, и определять, что мы сделаем. С одной стороны, критерии добра и зла, с другой – цепочка действий и их причин, связанных с их источником. Они управляют всеми нашими действиями, всем нашими мыслями... Принцип пользы признает это подчинение и кладет его в основание системы, цель которой – возведение здания благополучия с помощью разума и права» (Бентам И. Принципы, I, 1).

⁷ Милль Дж. Ст. Автобиография. М., 1896. С. 148.

⁸ Милль Дж. Ст. О Свободе // О Свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 294.

⁹ Там же. С. 295.

широка, и Милль утверждает, что, «предоставляя каждому жить так, как он признает за лучшее, человечество вообще гораздо более выигрывает, чем принуждая каждого жить так, как признают за лучшее другие»¹⁰.

Милль подчеркивает здесь то, что составляет суть классического либерализма – суверенитет индивида в отношении самого себя – в терминах, близких Джону Локку, описывающему во «Втором трактате о гражданском правлении» (1690) неотчуждаемое право на самого себя, на независимость мысли и право на сопротивление несправедливой власти.

Однако это понятие суверенитета личности в высшей степени проблематично. Оно предполагает, что существует область, «территория», зависящая исключительно от индивидуальной власти, в рамках которой действие индивида не имеет никаких последствий для другого; что индивид является чем-то вроде «острова» или, по выражению канадского философа Чарльза Тейлора¹¹, «атома». Но, коль скоро эмпирически невозможно различить в поведении индивида то, что касается лишь его одного, и то, что касается другого, то открывается большое поле для дискуссий, за что Генри Сидгвик упрекает Милля. Атомистическая концепция либерального индивида подводит нас к иллюзии. Каким образом Милль разрешает эту проблему и защищает индивидуальную свободу, подводя под нее более прочное основание?

На основании текста эссе «О свободе» я постараюсь показать, что на самом деле Милль серьезнейшим образом изменяет либеральную концепцию индивида – концепцию Локка или Юма и Адама Смита – и заменяет их понятие индивида новым, исключительно плодотворным для истории либерализма и свободы, – понятием индивидуальности. В частности, я осмелилась бы утверждать, что это понятие, подчеркивая недетерминистским образом социальную природу индивида и ключевую роль солидарности, превращает Милля не просто в предтечу «нового» социального либерализма конца XIX в., но и в мыслителя, близкого французским солидаристам периода Третьей Республики, концепции органической солидарности Дюркгейма.

Новые формулировки Миллем фундаментальных понятий либерализма – индивид, рациональность, свобода, – их дополнение чуждыми классическому либерализму понятиями индивидуальности, развития и социального сознания играет здесь поворотную роль. Он осуществил решающий пересмотр либерализма, рассматривая его как доктрину, полагающую, что «свободное развитие индивидуальности есть одно из первенствующих существенных благ»¹². Этот пересмотр осуществляется в трех направлениях: в направлении культуры и истории, отсутствующих в классических трудах, в направлении значимости разнообразия и плюрализма, чтобы бороться против гегемонии большинства, наконец, в направлении пользы и прогресса. Но прежде чем представить миллевское обновление либерализма, стоит кратко изложить либеральную концепцию индивида, которую он будет критиковать.

Либеральный индивид до Милля

Милль является идейным наследником не только Бентама, но и всей великой либеральной традиции – традиции Локка, – главный тезис которой может быть выражен формулой: не существует естественной субординации человеческих существ, каждый индивид суверенен и свободен принимать решение в отношении самого себя перед лицом любых властей – моральных

¹⁰ Милль Дж. Ст. О Свободе. С. 299.

¹¹ Taylor Ch. La liberté des Modernes. P. 1997. P. 223.

¹² Милль Дж. Ст. О свободе. С. 337.

или религиозных, политических или каких-либо иных, перед лицом любого рода деспотизма, стремящегося подчинить его. Этот безграничный суверенитет основан на понимании человеческой природы как изначально – до любых социальных детерминаций – индивидуализированной. Эту индивидуализированность можно понимать в двух смыслах¹³. Прежде всего, в смысле дескриптивном, ибо не существует двух абсолютно идентичных живых существ и, следовательно, люди, будучи живыми существами, всегда индивидуализированы. Затем в смысле нормативном, т. к. индивидуализированное существо означает также способность стать индивидуальностью – единственной, отличной от всех прочих, обладающей способностью к самоопределению, к рассуждению, способностью принимать решение в отношении самого себя; это не просто фактическая данность, но проект. Таким образом, сердцевинной и структурой либерализма является онтологическое положение о понимании человечности в каждом из нас как сущем, независимом от социального целого и, следовательно, способного оказывать ему сопротивление и изменять его благодаря своему сознанию и разуму. В противоположность тому, что утверждают «холистские» концепции того же Гегеля¹⁴ или Маркса, гуманизация не является полностью социальным процессом. Она вводит в действие индивидуальные способности суждения и принятия решения, которые предшествуют социальному или по меньшей мере независимы от него и способны ему противостоять. Не группа, но индивид, наделенный сознанием и разумом, отныне является источником норм и коллективных прав, что обосновывает право сопротивления несправедливости политической власти и закона, а также право отбросить т. н. естественную субординацию и защищать частную жизнь от любых попыток произвольного вмешательства.

Влияние немецкого романтизма (Гердер и Гумбольдт)

Примечательным событием, заставившим Милля отойти от этой концепции индивида, было его открытие – благодаря Кольриджу, который был, однако, мыслителем «консервативным», – немецких романтиков, таких авторов, как Гердер и в особенности Гумбольдт, в которых он, после серьезного экзистенциального кризиса 1826 г., увидел противоядие от Бентама (Автобиография, гл. 5). Таким образом, по его собственному выражению, он перешел из века XVIII в век XIX!¹⁵. Очень скоро он смог осознать недостатки либерального индивидуализма, который, как мы помним, был не просто философской системой, а концепцией борьбы, инструментом сражения против религиозного и политического деспотизма XVII и XVIII вв.

¹³ Луи Дюмон в «Опыте об индивидуализме» пишет: «Когда мы говорим об «индивиде», мы имеем в виду одновременно две вещи: объект вне нас и ценность <...>, с одной стороны, и говорящий, мыслящий и желающий *эмпирический* субъект <...> – с другой, *моральное* существо, независимое и автономное и, как следствие, по сути своей не социальное <...>. С этой точки зрения существует два типа обществ. Я говорю об *индивидуализме* там, где индивид предстает в качестве высшей ценности; в противном случае, там, где ценностью является общество как целостность, я говорю о *холизме*» (*Dumont L. Essais sur l'individualisme. P., 1983. P. 37*).

¹⁴ Гегель в «Философии права» (§ 258) пишет: «Сам индивид обладает объективностью, истиной, нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства» (*Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 279*). Но концепция Гегеля интересна тем, что он также осознал громадную значимость современной индивидуальности в защите объективной свободы и тем самым оказал значительное влияние на социальную онтологию «нового» либерализма конца XIX в.

¹⁵ Милль Дж. Ст. Автобиография. С. 145.

Главным недостатком этого либерализма было отсутствие каких бы то ни было ссылок на исторический опыт как сообществ, так и индивидов, на идею развития. Он (как мы можем наблюдать это у Локка и Канта) понимал человеческую свободу как досоциальное, независимое от исторических обстоятельств «естественное» право индивида, остающееся внешним по отношению к нему. Или же «свобода Современности» была полностью «негативной» и ограничивалась «безопасностью» (как это было у Бентама), возможностью беспрепятственно заниматься своими делами под гарантией закона и правильного правления.

Этим идеям противостояла романтическая концепция Гумбольдта и Гердера, вдохновленная концепциями *Bildung*’а Гегеля и еще более исторически отдаленной *paideia* Аристотеля¹⁶. Под влиянием Гегеля (которого Милль, по всей вероятности, не читал) развивается идея о том, что социальная реальность есть реальность этическая, в которой соучаствуют индивидуальный и коллективный Дух (*Geist*). Одним из уроков «Феноменологии духа» является невозможность отделить личное развитие от развития социального (*Bildung*). Социальный детерминизм совершенно не обязательно должен был принять механистическую, материалистическую и редукционистскую форму, которую он обрел у Маркса. Возможно иное – спиритуалистическое – прочтение Гегеля. Индивидуальная свобода может быть реализована в каком-то фрагменте социальной жизни, поскольку сама эта жизнь является одновременно конституированной и конституирующей.

Влиянием Гегеля мы обязаны и историцизму, характеризующему романтизм и позволяющему лучше понять индивида и общество. Права индивидов формируются исторически, как социальные права, а не как естественные и «досоциальные» свойства индивидов. Эти права не зафиксированы раз и навсегда в человеческой природе, они суть результат политических сражений.

Таковы вкратце концепции, которые оказали влияние на Милля в этот период.

Индивидуальность как реальность в становлении

Какую же важнейшую идею вынес Милль из своих занятий? Это идея человеческого развития. Наибольшую дань уважения он отдает Гумбольдту, которому посвящает эссе «О свободе»: «Всё сводится, главным образом, к возможно более разностороннему развитию человека»¹⁷. И он добавляет столь же значимый следующий отрывок из Гумбольдта:

«"Конечная цель" человека, т. е. та цель, которая ему предписывается "вечными, неизменными велениями разума, а не есть только порождение смутных и преходящих желаний, эта цель состоит в наивозможно гармоническом развитии (*Bildung*) всех его способностей в одно полное и состоятельное целое", – что, следовательно, предмет, "к которому каждый человек должен непрерывно направлять все свои усилия, и который особенно должны постоянно иметь в виду люди, желающие влиять на своих сограждан, есть могущество и развитие индивидуальности", – что для этого два необходимые условия, "свобода и разнообразие личных положений", – и что только при совместном существовании этих условий может развиваться индивидуальная сила и "многостороннее разнообразие", которые, комбинируясь вместе, и образуют "оригинальность"»¹⁸.

¹⁶ Весьма содержательные замечания относительно *Bildung* см.: Dumont L. *L'idéologie allemande*. P., 1991.

¹⁷ Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности. Челябинск–М., 2003. С. 58.

¹⁸ Милль Дж. Ст. О свободе. С. 337.

Таким образом, Милль, следуя за Гумбольдтом, делает первый шаг к серьезнейшему изменению: он изменяет абстрактный индивидуализм, превращая понятие статичного, атомизированного индивида в понятие индивидуальности – динамичной, исторической, погруженной в систему отношений, являющейся результатом процесса индивидуализации и автономизации, – со всеми опасностями, которые таит в себе этот шаг. После Милля понятие суверенитета индивида никогда уже не будет использоваться в прежнем смысле.

Этот новый смысл находит свое проявление в четырех аспектах.

Создание самого себя.

Этот аспект, прежде всего, подразумевает, что индивидуальность – это скорее задача, проект, нежели состояние – задача создания самого себя¹⁹. Милль говорит об индивиде как о «существе прогрессивном», беспрестанно развивающемся и изменяющемся. Разнообразие опыта может сложиться в гармоничную целостность лишь в итоге развития личной истории, составленной из побед и поражений, как это происходит в романах Гёте («Страдания молодого Вертера») и участников движения *Sturm und Drang* (Бури и Натиска). Оно не предшествует развитию. Индивидом не рождаются, им становятся, мог бы, наверное, сказать Милль. «Мы на самом деле можем оказывать влияние на образование нашего характера»²⁰ (в особенности Логика, гл. IV). Нельзя не процитировать «Фауста» Гёте («Стань тем, что ты есть») или не упомянуть о внимании литературы и музыки той эпохи к мифу о Прометее как модели творческого гения человеческого рода. Индивидуальность есть результат подлинно творческого процесса, который Милль опишет в «Логике» как «Искусство Жизни». Энтузиазм, с которым Милль относился к индивидуальности как оригинальности, неконформистской и аутентичной, на первый взгляд, может показаться наивным. Но на самом деле его нужно понимать в контексте миллевской защиты свободы. Романтический идеал индивидуальности является одной из сил сопротивления социальному конформизму.

Историчность и множественность культур.

Это бытие в процессе становления может развиваться только благодаря постоянному взаимодействию с коллективной историей и культурой, что есть лишь иной смысл понятия *Bildung*. Вместе с немецкими романтиками Милль открывает значение антагонистических способов мышления: «я был воспитан полемикой»²¹ и диалектики противоположностей, что позволит ему преодолеть кантовский дуализм детерминизма и свободы, понять, что историческая причинность не совпадает ни с фатализмом, ни с природным детерминизмом²². Вместе с тем он осознает, что многообразие культур является ключевым моментом для становления человеческой индивидуальности, поскольку воплощает «девиз Гёте: “Смотреть на явления со всех сторон”», без чего она не могла бы развиваться²³. «Различие в мнениях не есть зло, а добро, пока люди не будут более способны, чем теперь, познавать все стороны истины», – говорит он²⁴. Милль, таким образом, касается здесь очень важного для либерализма положения: плюрализм мнений и опасность любой идеологии, сводящей разнообразие к единству.

Во второй главе эссе «О свободе» Милль высказывает соображения о значении свободы мысли и дискуссии в познании, об открытии истины и ценности заблуждения, которые в значительной степени повлияют на развитие

¹⁹ Милль Дж. Ст. О свободе. С. 337.

²⁰ Милль Дж. Ст. Автобиография. С. 151.

²¹ Там же. С. 96.

²² Там же. С. 151.

²³ Mill J.S. Essay on Coleridge. P. 132; Он же. Автобиография. С. 145.

²⁴ Милль Дж. Ст. О свободе. С. 336.

защиты права на ошибку Карлом Поппером (1949), на критику абстрактного и конструктивистского рационализма в либеральной мысли XX в.²⁵ Его размышления будут иметь ключевое значение для либеральной концепции воспитания, посвященной оценке этих возможностей в плюралистическом контексте, а не просто авторитарной передаче знания. «Культура Я» в соответствии с предписаниями Милля должна стать принципом подлинно либерального воспитания, сконцентрированного на развитии возможностей индивидуального Я, чтобы защитить свободное общество, открытое для инноваций, и воспитать людей, способных сопротивляться тирании общественного мнения²⁶. Для Милля, как и для Токвиля, нет ничего более пугающего, чем социальный конформизм, деспотизм привычки и мнения большинства. Этим объясняется его защита плюрализма и важности свободы выбора для развития личности. «Способность человека понимать, судить, различать, что хорошо и что дурно, умственная деятельность и даже нравственная оценка предметов – все эти способности упражняются только тогда, когда человек делает выбор. <...> Только тот человек имеет надобность во всех своих способностях и действительно пользуется ими, который сам по своему пониманию устраивает свою жизнь»²⁷.

Свобода, личный опыт.

Эти рассуждения подводят нас к новому смыслу свободы для Милля. В отсутствии свободы и возможности выбора, возможности самому судить и решать, иными словами, в отсутствии плюрализма индивидуальность не может развиваться, не способна реализовать свой потенциал. Именно поэтому для Милля и большинства либеральных мыслителей плюрализм играет столь значительную роль в развитии индивидуальности: только множественность точек зрения и их несоизмеримость создает возможность для размышления над самим собой и требует выбора, что, как утверждает ученик Милля Исайя Берлин в своих знаменитых «Очерках о свободе» (1969), наделяет индивидуальную свободу совершенно особым смыслом.

Свободу по Миллю, таким образом, не следует понимать как естественное качество досоциального индивида. Свобода является, прежде всего, личным опытом, неотделимым от индивидуальности, от внутренней жизни, понимаемой в сократовском духе. Именно в этом моменте он полностью отделяется от утилитаризма, и именно здесь наиболее ощутимо влияние немецкого романтизма. Но развитие личности требует гораздо большего, нежели просто защита «негативных» прав. Оно требует средств действия и доступа к социальным и культурным благам, без которых возможности индивида невозможно реализовать. Из понятия «территориального» либеральная свобода превращается в понятие «позитивное» и погруженное в систему отношений, которое предвещает все дискуссии XX в. о равенстве шансов и социальной справедливости.

Счастье быть самим собой.

Наконец, Милль обогащает романтическую концепцию, соединяя ее со своим «косвенным» утилитаризмом. «Я никогда не сомневался в правильности своего наблюдения, что счастье есть пробный камень всех жизненных

²⁵ О развитии философии *via media*, т. е. философии, отказывающейся как от рационализма, так и от натурализма, продолжателями философии Милля в рамках обновления либерализма конца XIX в. см.: *Kloppenber J.T. Uncertain Victory. Social Democracy and Progressivism in European and American Thought, 1870–1920. Oxford, 1986.*

²⁶ Милль, испытавший на себе авторитарный тип воспитания, введенный его отцом и Бентамом и описанный им в «Автобиографии», безусловно, имел личные мотивы для воспевания «культуры “я”».

²⁷ *Милль Дж. Ст. О свободе. С. 338.*

правил, а вместе с тем и цель жизни. Но теперь я стал думать, что единственное средство достигнуть этой цели – это поставить её на второй план, а не делать из неё непосредственной цели существования»²⁸.

Утверждая, что «индивидуальность есть один из элементов благополучия» (О свободе, гл. III), он хочет сказать, что счастье для индивидуальных существ достижимо лишь при условии предоставления им максимальной свободы для реализации возможностей, а общество и образование дают вспомогательные средства, инструменты для расцвета индивидуальности. Пользу, говорит он, следует понимать в самом широком смысле – как то, что основано на постоянных интересах человеческого существа, способного к самосовершенствованию. И напротив, враждебность группы, большинства, иерархических структур к такому развитию индивидуальности ничем не оправдана и губительна; она выражает лишь их предрассудки. Отсюда и вытекает принцип свободы, с которого мы начали наше изложение и который, как мы теперь видим, не ограничивается одной лишь защитой негативной, так сказать, «территориальной» свободы и суверенитета индивида.

«Принцип этот заключается в том, что люди, индивидуально или коллективно, могут справедливо вмешиваться в действия индивидуума только ради самосохранения, что каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей, – личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляет достаточного основания для какого бы то ни было вмешательства в его действие»²⁹.

В конечном счете, то, что Милль понимает под «счастьем», заключается скорее в реализации «я» индивида, в осознании им своей значимости в собственных глазах и в уважении к самому себе, которое из этого вытекает. «Соответственно развитию своей индивидуальности, человек получает большую цену сам для себя и вследствие этого делается способен иметь большую цену для других, – самая жизнь его становится полнее, а чем более жизни в единицах, тем более жизни и в массе, которая составляется из этих единиц»³⁰.

Точно так же раскрытие возможностей другого человека, сколь бы скромны они ни были, удовольствие, которые мы при этом испытываем, описываемое Джоном Ролзом как аристотелевский принцип («Теория справедливости», § 65) и которое является скорее принципом Милля, есть элемент счастья. «Только наиболее полное развитие нашего потенциала или потенциала другого открывает нам доступ к наиболее возвышенным формам человеческого счастья»³¹.

2. От кооперации к солидарности

Эти рассуждения естественным образом подводят нас к изучению политических последствий введения нового понятия индивидуальности и последовавшего за этим обновления либерализма.

²⁸ Милль Дж. Ст. Автобиография. С. 126.

²⁹ Милль Дж. Ст. О свободе. С. 295.

³⁰ Там же. С. 342.

³¹ Skorupski J. Why read Mill Today? Routledge, 2007. P. 27.

Социальная природа индивида

Главное из этих следствий заключается, естественно, в том, что социальная природа индивида впервые оказалась включенной в фундаментальные понятия либерализма³², но – в отличие от марксизма – она не носила детерминистский характер. И действительно, чтобы развить и реализовать свои возможности, индивид, как в прошлом, так и в настоящем, должен прибегать к помощи других. В этом смысле существо социальное для своего становления и самоидентификации нуждается в культурном наследии, в коллективной памяти и истории. В отличие от классического индивидуализма эта концепция вписывает социальность и историю, взаимоотношения с другими и их творчеством, с культурой в саму сердцевину индивидуальности, ибо без них она не способна развиваться.

Но связь между ними не является слепым и механистическим детерминизмом. Общество воспринимается по модели индивидуального развития: оно так же, как и нарративное единство жизни, нашедшее отображение в «Автобиографии», может обладать органическим единством. Его структуры и институты обусловлены как согласием, так и конфликтами между человеческими намерениями, которые умопостигаемы, но не во всем предвидимы. Для Милля прогресс не есть нечто механическое, «природное», он – не необратимый путь к единственной цели, а сложный результат взаимодействия человеческих решений.

Фактическая солидарность

Определение индивидуальности как реализации заложенных в человеческом существе возможностей требует большего, нежели простое понятие солидарности, бывшее идеалом классического либерализма. Так появляется новое понятие – понятие солидарности.

О какой солидарности идет речь?

Речь идет о сложной и многозначной ценности, требующей своего осмысления и нового определения. Она несет в себе противоречивые измерения: элемент иерархический, т. е. обязательства наиболее обеспеченных по отношению к самым бедным слоям общества, и элемент эгалитарный, элемент взаимности, взаимопомощи, которую мы должны оказывать друг другу. Ограничимся различием фактической солидарности и солидарности как долга.

Прежде всего, существует фактическая солидарность между развивающимися человеческими существами, испытывающими потребность друг в друге для реализации своих возможностей. Французский солидарист Леон Буржуа называл ее «социальным долгом». Всем тем, что мы есть, мы обязаны тем, кто существовал до нас. Тем, что мы есть, мы являемся только благодаря труду и свершениям предшествующих поколений и наших современников. Наши таланты могут развиваться только потому, что они соответствуют человеческим и социальным потребностям, как их сформировали культура и история. Они представляют собой, говорит Милль, общее достояние, но в своем развитии зависят от духа свободы, которому благоприятствует или не благоприятствует социальный контекст. Солидарность, таким образом, является не просто моральным долгом, но, прежде всего, условием выживания человеческого гения, развитию которого должна со-

³² *Freedan M. The New liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford, 1978.*

путствовать наиболее полная свобода. Итак, существует фактическая солидарность, которую игнорировали как понятие классовой борьбы, так и собственнический индивидуализм.

Солидарность долженствования как сердцевина социал-либерализма

Переосмысление Миллем концепции индивида повлекло за собой и изменение концепции солидарности долженствования. Последняя зачастую ограничивалась пониманием ее как содействия и не включала почитания свободы. Миллевские идеи окажут серьезнейшее влияние на критику теории государства всеобщего благоденствия, в частности, на нелиберальную концепцию солидарности, лежащую в ее основе.

Для Милля солидарность может быть принята в качестве главной цели либерализма лишь при условии определения того, что понимают под социальной исключенностью и справедливым распределением богатств, в терминах не только количественных, но и качественных. Речь должна идти о солидарности, целью которой будет равный доступ к ресурсам и целям, а также то, что Ролз вслед за Миллем назовет «социальными основами самоуважения»³³. Солидарность должна выражаться в предоставлении самым бедным ресурсов, необходимых для их выживания, но главное – в таком обращении с личностью, которое бы сохраняло ее достоинство. Иными словами, одного только оказания помощи недостаточно. Солидарность должна включать в себя уважение и даже признание, она должна не только помогать, но и содействовать включенности в общественное целое. Джон Ролз напишет: «Социальные и экономические неравенства должны быть устроены так, чтобы они были... к наибольшей ожидаемой выгоде наименее преуспевших»³⁴.

Размышляя о положении трудящихся классов после революции 1848 г., Милль пророчески пишет: «Здесь приходится решать одну из самых неотложных и одновременно трудных задач: каким образом предоставить максимальный объем необходимой помощи, в минимальной степени поощряя людей к тому, чтобы они не слишком полагались на нее»³⁵.

Идеал солидарного общества – таков ответ Милля на хорошо известный ему социализм того времени («Главы о социализме», 1879). Как известно, к концу жизни Милль был очень восприимчив к развитию социалистических идей и к идее «обновления» либерализма, стремлению сделать его более социальным, осознающим потребность в солидарности, справедливости и равенстве в меняющемся мире, в котором углубляется неравенство, усиливается обнищание большинства населения, а сотрудничество оказывается невозможным. Но если он и сближался с социализмом, то отказывался от самих его основ – классовой борьбы, отрицания свободной конкуренции, от его революционного проекта. Он, напротив, защищал кооперативное движение и идею разделения собственности на средства производства, идею солидарности в экономической сфере («Основы политической экономии», кн. IV, гл. VII).

Кроме того, концепция солидарности послужит основанием для частичной реабилитации им демократии, понимаемой в этическом смысле как тип общества более солидарного, приверженного идее общего блага и всеобщего счастья, общества, способствующего развитию способностей каждого благодаря равенству шансов, посредством принципов меритокра-

³³ Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 67.

³⁴ Там же. С. 84.

³⁵ Милль Дж. Ст. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М., 2007. С. 974.

тической демократии. Благодаря определению свободы не как абстрактного права, а как элемента самореализации и достижения счастья, благодаря определению индивидуализма как реализации индивидуальности демократия предстает как режим, в наибольшей степени благоприятный для реализации либеральных ценностей.

Такова, вкратце, концепция моральной индивидуальности, с помощью которой Милль развил классическую идею либерального индивида, – концепция, делающая акцент на моральном измерении и социальной пользе индивида, усиленная в последних работах Милля («Главы о социализме») и подготовившая переход к либерализму социальному и солидарному.

3. Новые сражения

Каким образом эти изменения повлияли на развитие либеральной мысли после Милля, в период между 1880 и 1920 гг.?

Новая «позитивная» концепция свободы

Ученик Милля, философ из Оксфорда Т.Грин на основе выводов миллевского эссе «О свободе» сформулирует знаменитое различие между *freedom from*, свободой как независимостью по отношению к принуждению, и *freedom to*, деятельной свободой как автономией или возможностью действовать и развиваться по собственному усмотрению. Это различие является ключевым, так как в каждом из этих случаев свобода наталкивается на препятствия разного рода. В первом случае таким препятствием выступает политический или религиозный произвол и принуждение. Во втором – отсутствие средств к действию или реализации жизненных проектов индивида. Увы, можно прекрасно существовать под сенью свободных институтов и страдать от недостатка свободы, если отсутствуют необходимые для развития личного потенциала социальные и экономические условия: образование, здравоохранение, жилище, достойная заработная плата и пр. Таким образом, для свободы социально-экономические права столь же важны, как и права политические и права личности. Свобода превращается не столько в право индивида, сколько в потребность общества, писал Хобхаус в 1911 г.

Новая «велфаристская» концепция демократии

Второе изменение, к которому причастен Милль, касается демократии, и здесь мы обнаружим двоякую тенденцию: демократизация либерализма и либерализация представительной демократии.

В глазах либералов демократию можно спасти, изменив ее цели – не управление народа посредством самого народа, но управление в интересах народа. Точно так же можно либерализировать и демократию, избавив ее от популистского и демагогического измерения и усматривая в ней лучший способ реализации ценностей либерализма: защита индивидуальности и ее права на счастье, отделение приватной сферы от политической, ограничение политической власти и контроль на ней, ответственность правителей перед своими избирателями, свобода предпринимательства и рынка и т. д. Таким образом оказывается возможным ответить на новые запросы трудящихся в плоскости равенства, социальных и экономических прав, в области уваже-

ния принципов конституционного правления, одновременно оказывая сопротивление угрозам со стороны социализма и коммунизма, с одной стороны, и консерватизма – с другой.

В этой сфере Милль и его попытка синтеза либерализма и утилитаризма являются важнейшим шагом к «новому» либерализму, обнаруживающему четыре типа обоснования демократии.

Прежде всего, либерализм дает этическое обоснование демократии. Он – единственный режим, способный дать «наибольшее счастье членам сообщества, наибольшее счастье всем без исключения, насколько это возможно» (Бентам)³⁶, поскольку он является режимом инклюзивным и требует всеобщего согласия. Точно так же либерализм дает антропологическое – а не телеологическое, как у Локка и даже у Руссо, – обоснование защиты свободы. И действительно, свободу и суверенитет индивида следует рассматривать как составляющие человеческого счастья, а не как абсолюты, что было характерно для классического либерализма. Без свободы выбора личных форм и средств существования индивид не способен реализовать свои возможности и стать счастливым. Но самое главное – демократия позволяет либерализму разрешить социальный вопрос о конфликте интересов неавторитарным способом, совместимым с индивидуализмом. Свобода разделяет людей, открывая пути для процветания талантов, которыми все наделены в разной степени, и тем самым порождает социальное неравенство, тогда как счастье объединяет. Демократия – единственный режим, усматривающий в общем благе удовлетворение интересов всех, а не реализацию высшего блага, внешнего по отношению к субъектам. Наконец, утилитаризм – политический рациональный аргумент в пользу демократии. Если индивид является единственным судьей своего счастья, то он будет предан своим институтам, если те обеспечат ему благополучие, и он также будет старательно их оберегать в соответствии с теми принципами, которые сформулировал Бентам в 1791 г.³⁷ Тем самым недостатки демократии как политического режима могут быть предупреждены без использования мало демократичных контр-властей, таких, например, как избранные конституционные судьи, ведь граждане будут кровно заинтересованы в сохранении своих интересов и, следовательно, правителей, и в противодействии злоупотреблениям властью. Таким образом, либерализм учится обращению со свободой как с благом, которое надо защищать, а не как с абсолютным правом.

Именно эта «велфаристская» концепция демократии, разумеется, измененная, приведет либеральных мыслителей к пересмотру их концепций и примирению с демократическими идеалами равенства и солидарности.

От равенства прав к равенству шансов

В каком смысле под влиянием Милля «новый» либерализм превратился в социал-демократический и, следовательно, эгалитаристский?

Для классических либералов равенство в правах или равенство перед законом было ключевым понятием для защиты индивида как субъекта права: субъект права, собственные права. «Новый» либерализм обогатит и трансформирует эту юридическую, формальную и статичную концепцию равенства. Ключевым понятием становится понятие равенства шансов (*equality of*

³⁶ См.: Audard C. *Anthologie historique et critique de l'utilitarisme*. 3 vol. P., 1999. T. 1. P. 198. № 2.

³⁷ См.: Panoptique // Audard C. *Anthologie historique et critique de l'utilitarisme*. T. 1. P. 299–309; Foucault M. *Surveiller et punir*. P., 1975. P. 201–210; L'Œil du pouvoir. Entretien avec M. Barrou // *Le Panoptique de Bentham*. P., 1977.

opportunity), т. е. равенство в доступе к благам, противостоящее идее равенства благ, защищаемой социализмом. Либерализм выступал за политику, обращенную в будущее, стремящуюся исправить стартовые жизненные позиции, дабы предоставить индивидам равенство в состязании талантов, вместо того чтобы исправлять результаты, нейтрализовать поражения, корректировать уже сформировавшееся неравенство, как это делал социализм.

Равенство шансов вытекает из миллевского определения свободы как свободного развития «я». Индивидуальность и развитие «я» не находятся более в состоянии конфликта с обществом, которое, как подчеркивает французский «солидаризм», предоставляет средства для развития личности: образование, участие в общественной деятельности, социальная защита и т. д. Индивидуальные поражения не воспринимаются более как доказательство отсутствия «характера» или проявления индивидуальной «злой» воли, как то было в викторианскую эпоху; они рассматриваются как следствие неправильной организации общества, которую можно излечить заранее с помощью солидарности, превратив социальную помощь в подлинное право индивида, как утверждал Леон Буржуа. Если политика борьбы против социально-экономического неравенства, связанного с врожденными качествами, с социальной средой, семьей, имеет своей целью не выравнивание условий, но «высвобождение» индивидуальных талантов и их развитие на благо общества, то такая политика совместима с либерализмом. Борьба с неравенством должна быть направлена против социальных привилегий, привилегий социального происхождения и наследуемого капитала, она должна сделать главной ценностью социальное продвижение, основанное на личных усилиях, на труде, личной отваге и силе характера: здесь мы опять возвращаемся к классическому либеральному мифу. «Новый» либерализм все равно остается либерализмом, а не превращается в либеральную версию социализма.

Заключение

Подведем итог нашему исследованию, которое предлагает более детальную интерпретацию значения творчества Милля в истории социальных и политических идей и, я надеюсь, может способствовать развитию современных дискуссий о кризисе как либерализма, так и государства всеобщего благоденствия.

Как уже отмечалось, основополагающей ценностью классического либерализма был, прежде всего, суверенитет индивида, т. е. утверждение о том, что индивид является хозяином своей судьбы и несет ответственность перед самим собой. Даже если эта возможность доступна только для самых богатых, моральное значение либерализма для Джона Стюарта Милля состоит в том, что возможность эта может стать доступной для всех как результат исторического процесса, а не как закон природы. Кроме того, в силу ключевой значимости общества для развития возможностей каждого сердцевина миллевского принципа – идея ответственности индивида перед лицом других.

Так зарождается «социальная» концепция либерализма, для которой долг солидарности был естественным следствием определения либерального индивида как становящейся индивидуальности, развивающегося существа. Солидарность, прежде чем уступить место вопросам социальной справедливости, была ядром «нового» либерализма Джона Стюарта Милля, Томаса Грина или Джона Дьюи, равно как и французских либералов от Шарля Рену-

вье до Леона Буржуа, включая и Дюркгейма³⁸. Идеал солидарности никогда не исчезал из поля зрения либералов, хотя в последнее время он был заменен идеалом «справедливости», более объективным и строгим и, главное, легче поддающимся определению в терминах нормативной экономики, как свидетельствуют многочисленные теории справедливости, расцветшие после выхода знаменитой книги Джона Ролза (1971)³⁹. После недавней публикации книги А.Сен «Идея справедливости» (2009), возвращающей нас к идеалу Гумбольдта и Милля «абсолютной и сущностной значимости человеческого развития во всем его богатстве и разнообразии», этот идеал еще более укрепляется, придавая актуальность теоретическим разработкам Милля, которые мы попытались изложить.

Перевод с французского М.М. Федоровой

³⁸ См.: *Blais M.-C.* La solidarité. Histoire d'une idée. P., 2007.

³⁹ Среди прочих см.: *Kymlicka W.* Les théories de la justice. Trad. franc. P., 1999 ; *Fleurbaey M.* Les théories économiques de la justice. P., 1996; *Roemer J.* Theories of Distributive Justice. Harvard, 1996; *Sen A.* The Idea of Justice. L., 2009.